

Тема «Практическая и прикладная философия»

Александр Рубцов

ИДЕОЛОГИЯ КАК СИМУЛЯКР ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Материалы к докладу на семинаре 26.04.2021

1. Общая экспозиция и предварительные замечания

1.1. Тема данного доклада встроена в самоопределение предметной области «Практическая и прикладная философия». В более общем виде это вопрос о структуре философского знания в целом.

Теоретически здесь возможны подключения и к другим мегатемам ИФ РАН («Всемирная философия: основные понятия и системы...», «Познание, сознание, язык, текст в контексте современных когнитивных наук...», «Наука, человек и перспективы техногенной цивилизации»), но с учётом всей опосредованности взаимосвязей структурной теории с практическим планированием исследований.

Организационные аспекты, в потенциале имеющие отношение к Институту как образцовому, а тем более уникальному учреждению, также выносятся за скобки со всем грузом «исторически сложившегося», включая традиции и устойчивые структуры, состав подразделений (секторов и отделов), секций Ученого совета, влияние устойчивых научных, человеческих и аппаратных связей, лидерства и т.п. Структурные модели сфер знания и живых учреждений совпадать не обязаны, но эти различия лучше иметь в виду и относиться к им «зряче».

Отдельная тема — баланс пользы и вреда от любых реорганизаций. Вопреки штампам околонучной романтики, сильные инновации в науке вводятся, лишь когда иного выхода нет, когда не срабатывает пояс допущений *ad hoc* и пр. Здесь примерно то же самое.

Эти замечания предваряют появление в дальнейшем анализе структурных моделей практической философии, существенно отличающихся от распространённых и даже доминирующих в нашем сегменте сообщества, не говоря о реальных структурах.

1.2. В 2016 — 2018 годах проблемам взаимоотношения философии и идеологии был посвящён отдельный цикл докладов на Общеинститутском семинаре Института философии РАН: «Философия как критика идеологий» (Соловьев Э.Ю.); «Философия как идеология» (Межуев В.М.); «Иллюзии деидеологизации» (Рубцов А.В.) с последующей серией обсуждений и публикаций¹.

Укрупненно идеи цикла (в изложении и под ответственность автора) можно представить так:

1) Одна из важнейших миссий философии — обеспечение интеллектуальной свободы, избавление от аберраций идеологии как «ложного сознания», как инструмента ментальной репрессии и политической манипуляции (Соловьев Э.Ю.);

2) Прикладная, практическая философия возможна как производство не только манипулятивно-репрессивных, но и «прогрессивных», «полезных» идеологий, предотвращающих худшее или приближающих лучшее будущее (Межуев В.М.);

3) Системные ограничения деидеологизации и связанных с этой светлой идеей иллюзий обусловлены в том числе тем, что идеология и философия не рядоположены друг другу, но сосуществуют в едином континууме «веры — знания» — между фиксацией якобы очевидного на полюсе идеологии и критикой всякого рода «очевидностей» на полюсе философии (Рубцов А.В.).

1.3. Общие понятия «прикладной» и «практической» философии, тем более в ее противопоставлении философии «фундаментальной» и «теоретической», изначально принимаются как интуитивно очевидные. Поскольку уже есть существенно разные представления о границах, составе и структуре данного предмета, движение от насущных проблем здесь может быть продуктивнее общих спекуляций.

¹ Доклады и последующие тексты докладчиков, а также материалы круглого стола на эту тему см. в книге: Философия и идеология: от Маркса до постмодерна. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 21 – 168. Там же ссылки на аудиозаписи.

Почти стандартный состав прикладной и практической философии включает, как минимум: этику, эстетику, философию религии и психологии, теорию идеологии (по согласованию) и пр. Но в более развёрнутых представлениях сюда могут включаться также философия права, политики, гражданства и государственности, социальной сферы и пр. Нет однозначных доводов в пользу того, например, что политическая и социальная философия не могут целиком или частично входить в сферу компетенции практической и прикладной философии. Но точно так же не всегда понятно, почему сюда не могут включаться многие проблемы науки, техники и технологий, среды и пр. Каждый из таких перечней (более или менее широких «наборов») имеет собственные организующие основания, и систематизация этих оснований достойна отдельного исследования.

Таким образом, граница между тем, что относится либо не относится к прикладной, практической философии, изменчива в зависимости от позиции, неоднозначна, подвижна во времени, а то и просто конвенциональна. В ряде отношений вопрос практически открыт.

2. Методология различения и сборки

2.1. Более того, это вопрос не просто той или иной версии частной «нарезки» предмета практической философии — конкретно собранного ее состава и структуры. Это вопрос принципа, метода и стиля членения и интеграции, проблема самой философии взаимоотношения перечисленных предметностей.

Наиболее распространена форма линейных перечислений «через запятую» — на одной оси, в одном измерении: этика, эстетика, религия... Однако вовсе не очевидно, что такие модели возможны исключительно в двух измерениях (а не в трёх, то есть не «в объеме») и не в более сложных иерархиях. Тем более не очевидна простая рядоположенность элементов такого рода сборки. Иными словами, речь идёт о возможностях более сложной субординации и взаимопроникновения.

2.2. Аналогом и прототипом принципиально иной модели такого рода членения и связи может служить культура как предмет, в этом плане

во многом уже переосмысленный. В самом простом варианте отношения культуры с прочими сферами социальной активности также описываются простой конъюнкцией, через союз «и»: наука и культура, культура и идеология (власть, политика), искусство и культура, культура и экономика, бизнес, техника, технологии... Все это пары привычные, хотя и отдающие несколько грубоватым механистическим бинаризмом.

Более органичные (и, кстати, тоже вполне понятные) схемы таких взаимоотношений можно назвать не механическими, а диффузными. При таком понимании культура есть неотъемлемая составляющая всего и присутствует везде в «растворённом», если можно так выразиться, виде (например, подобно кислороду в жидкости). В таких контекстах говорят о политической, правовой, деловой, физической и т.п. культуре, даже о культуре любви и войны. Это уже нечто совсем иное, чем отдельная, рядоположенная всему остальному институция (например, культура как зона ответственности Минкульта).

Принципиальное различие описанных подходов не всегда оценивается в должной мере. Так ли уж различны на слух позиции «культура и бизнес» и «деловая культура»? Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что это ракурсы, во многом противоположные. В первом случае вектор направлен из бизнеса в культуру: меценатство, донаторство, артрынок и т.п. Во втором случае это собственные, внутренние характеристики ведения бизнеса, выстраивания деловых отношений и пр., то есть вектор, определяющий воздействие внутренней культуры на внешнюю (по отношению к субъекту) экономику.

Подобные рассуждения можно продолжить в разных направлениях, в том числе, например, в отношении науки: «Существуют два аспекта взаимоотношения идеологии и науки. Один из них – это наука и идеология. Другой – идеология в науке»².

Точно так же тема «идеология и искусство» близко не покрывает проблем собственно художественной аксиоматики — идеологии вида творчества, стиля, автора и даже вещи, изделия. Без этого непонятно, почему с такой богатой предысторией от XVII века (Роберт Фладд (Robert Fludd), через Лоренса Стерна (Laurence Sterne), Гюстава Доре (Gustave

² Мамчур Е. А. Наука, метафизика, идеология // Ориентиры. Вып.6. М.: ИФ РАН, 2010. С. 8.

Doré) и великого трикстера Альфонса Алле (Alphonse Allais) только «Квадрат» Малевича утвердился величайшим в художественной истории концептом за гранью «перехода через ноль» и т.п. Но и это только крайний и наиболее выразительный, бьющий по глазам случай. Гораздо интереснее реконструировать тонкие, неартикулированные идеологии в искусстве³.

Если модель понятна, остается распространить данную схему и на идеологию.

2.3. Всё это в целом изоморфно общим трендам, в частности, представлениям о диффузной власти в духе Мишеля Фуко. С некоторых пор не принято сводить политику и власть к «отдельно стоящим» институциям, таким как партии, парламенты, министерства и ведомства, правительства, кабинеты, президентские администрации и т.д. и т.п. Отношения власти пронизывают всю толщу и все поры человеческой жизни, включая микроуровни и повседневность, вплоть до дружбы и любви, общения, бытового распорядка и регулярной физиологии. То же относится к «проникающей» идеологии, не сводимой к сколько-нибудь «большой» политике, а тем более к специализированным институциям.

3. Ось: вера — знание

3.1. Карл Шмитт, этот гений политической философии и одновременно «ужасный юрист», отметившийся в идеологии Третьего Рейха, но затем счастливо реабилитированный, решил впервые строго конституировать понятия «политики» и «политического», сделав это на основе уникальной для политики базовой оппозиции. Если этику конституирует оппозиция добра и зла, а эстетику прекрасного и безобразного, то для политики конституирующей была выбрана оппозиция «друг — враг».

3.2. Следуя этому приему, идеологию и идеологическое можно конституировать через оппозицию «веры — знания». Идеология в этом плане представляет собой непрерывный переход в континууме между полюсами чистой веры, где она становится едва ли не религией, и

³ В значительной мере такой анализ присутствует в находящейся в производстве книге Максима Кантора «Чертополох и терн».

свободного знания, где она вплотную смыкается с философией, а иногда и с наукой. В каждой точке этого перехода мы обнаруживаем гибрид с той иной пропорцией в сочетании веры и знания. Важно лишь учитывать историчность самого этого явления⁴.

Разорвать такой синтез невозможно, как нельзя распилить магнит на два куска с разными полюсами.

4. Ось «очевидностей»: фиксация vs критика

4.1. В этой же логике выстраиваются взаимоотношения между идеологией и философией, но уже по оси «очевидности — неочевидности». Если задача идеологии — сделать неочевидное очевидным, то философия, наоборот, построена на критике очевидностей. Неслучайно «осевое время» в разных цивилизациях и разных точках планеты связывают именно с критикой мифологии и культов — с неудовлетворённостью слепой верой.

4.2. При этом надо признать, что и до сих пор полюса абсолютной идеологической веры и идеологически стерильного знания в химически чистом виде встречаются лишь в особых, экстремальных. Даже «на краях» этого континуума в идеологии всегда есть немного философии (хотя бы как симуляция конструктивного сомнения), а в философии — немного идеологии, например, как мировоззренческой или просто рабочей

⁴ «Говоря о вере, мы противопоставляем ее знанию. Но само различие между верой и знанием возникает лишь на уровне критического мышления <...> Для первобытного человека нет различия между верой и знанием, и к своим представлениям он относится не так, как мы к своей вере, а как мы к своим знаниям <...> Поэтому мы избегаем называть воззрения первобытного человека первобытной религией: термины «первобытная философия» или «первобытная наука» имеют не меньше прав на существование»

(Турчин В.Ф. Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции. Изд. 2-е – М.: ЭТС, 2000. — 368 с. <http://refal.net/turchin/phenomenon/index.htm>). Естественно, такого рода «первобытная философия» никуда не делась и в современном насквозь цивилизованном мире, включая сознание внешне цивилизованных сограждан.

аксиоматики. Если иметь в виду аксиоматику теории как её не только мировоззренческий, но и методологический каркас, то примесь идеологии обнаружится в любой сколько-нибудь основательной науке. И наоборот, в любой сколь угодно рациональной философии в той или иной мере должна присутствовать идеологическая «фракция» — в той мере, в какой трудно себе представить существование сознания с среде тотальной неочевидности.

4.3. В каком качестве человек здесь выступает — в качестве философа или идеолога — это вопрос не предмета (например, высказывания, суждения или утверждения, которое может быть абсолютно, добуквенно тождественным в философии и идеологии), а интенции и ее направленности, вектора усилия. И особого рода предрасположенности, связанной с нюансами интеллектуального характера и темперамента. В этом плане могут различаться социальные группы, фрагменты массы и, конечно же, отдельные индивиды, по-разному устроенные и по-разному эволюционирующие.

5. Ось: социум — личность

5.1 Есть ряд классических и в целом общепризнанных определений идеологии, восходящих, естественно, к Марксу. В системе таких представлений главная задача идеологии — легитимация власти, отношений господства и подчинения, доминирующего политического курса и т.п. Представление частного интереса как всеобщего определяет идеологию как «сознание для другого» (не исключая производства господствующими группами собственных иллюзий — полезных «заблуждений для себя»).

В этой логике индивидуальная идеология — чистый нонсенс; в лучшем случае что-то вроде перемещения с нулевой сменой координат. В производстве сознания, как инструмент воздействия и регуляции она всегда «между людьми». Это проявляется и в текущих отношениях, и в оформлении исторического процесса. Поскольку у истории есть вектор позитивного развития, осознание этой направленности дает возможность передовому классу и его авангарду встать на сторону самого исторического прогресса. Так возникает «научная идеология», заканчивается «предыстория человечества» и начинается «собственно человеческая история». В итоге идеология отмирает за ненужностью, подобно государству и как инструмент доминации власти.

5.2. Тут и возникает крамольный вопрос: не получится ли, что отрицание идеологии как социально-политической машинерии (пусть хотя бы в порядке мысленного эксперимента) обнажает феномен идеологии индивидуальной и личностной как не устранимой сколь угодно эпохальными, всемирно-историческими победами социального прогресса?

5.3. Кроме того не учитывается несводимость идеологии к политике, а именно внутреннее присутствие собственных, профильных идеологий во всех сферах человеческой активности, включая науку, искусство, экономику и бизнес и т.п., а также активность индивидуального сознания, вплотную работающего с повседневностью. Классическое представление об идеологии исключительно как о «сознании для другого» если не рассыпается, то включается в индивидуальную жизнь через явления (и концепции) «внутреннего диалога» и «внутренней речи». В отдельном человеке в этом плане открывается полноценный микромир, несколько иной, чем государство и социум, но обладающий собственным институциональным богатством и рядом ценных особенностей. Сплошь и рядом человеком ведётся напряженнейшая идеологическая борьба с самим собой, не менее острая, чем между геостратегическими оппонентами, целыми политическими мирами и цивилизациями. Здесь может вестись встречная идеологическая работа, в которой те или иные внутренние агенты как идеологические ипостаси одной и той же личности побеждают друг друга с переменным успехом. Здесь бывает задействована совершенно особая внутренняя цензура, не сводимая к тому, что человек, исходя из конъюнктурных соображений, позволяет или не позволяет себе говорить или писать вовне, в публичной сфере. Это цензура, контролирующая то, что человек позволяет или не позволяет говорить самому себе, о чем он не позволяет себе даже думать. Это не отрицает силы внешнего идеологического воздействия, особенно в массе, но отдаёт должное собственной работе сознания и активности психоидеологии субъекта. Сплошь и рядом для того чтобы делать, что хочется, или, наоборот, не делать, чего делать категорически не хочется, человек выстраивает сложнейшие концептуальные схемы. Такого рода внутренняя идеология, часто весьма похожая на теорию, легитимирует вынужденные состояния и процессы и служит там самым психической защитой

(например, в объяснении больших жизненных провалов, в поиске виноватых и пр.)⁵.

6. Личностная коллизия внутреннего идеолога и внутреннего философа в её проекции на политику и социум

6.1. Уже из предыдущих общих рассуждений должно быть ясно, что формула «идеология как прикладная, практическая философия» приемлема в первом приближении. Она соблазняет своей натуральной очевидностью, но не укладывается в более тонкие разграничение между идеологическим и философским. Речь идёт о принципиальном различии, даже конфронтации между внедрением в сознание готовых штампов и целых идейных конструкций, чем, собственно, и занимается идеология, и критическим отношением к любым попыткам навязать что-либо в обход рациональной критики и рефлексии.

6.2. И в коллективном, и в индивидуальном сознании со всеми возможностями интроспекции особенно хорошо видно, что идеология никак не может отождествляться с философией в любой ее ипостаси и модальности. Это исключено принципиальной противоположностью установок и, если угодно, самих миссий идеологии и философии. Идеология может рядиться в одежды глубокого и строгого философического размышления (до недавнего времени она именно этим и занималась), но при этом идеологи способны поставлять обществу и человеку лишь симулякры философии.

6.3. Индивидуальная философская работа как критика очевидности составляет важнейшее содержание сознания суверенной личности. Востребованность «философии масс» в постсовременном мире диктуется возрождением новой мифологии, нисходящей к регрессу интеллектуального варварства и дикости.

В современной нам действительности сплошь и рядом приходится наблюдать, как люди и едва ли не целые сообщества переступают «назад через осевое время». В российской эклектике это выливается в синхронистическое сосуществование фрагментов неизжитого пре-

⁵ См.: Рубцов. Нарцисс в броне. Психоидеология грандиозного Я в политике и власти. – М.: Прогресс-Традиция, 2030.

модерна, Модерна и Высокого Модерна, постмодерна и постмодернизма. Далее принципиально важно, во что могут вылиться попытки выхода из постмодерна, в том числе в идеологиях и практиках пост-постмодернизма. Либо это продолжение тех же игр в духе колебаний «маятника Вельфлина» — либо поиски выхода в «Сверхновое время» с учётом как издержек тотального проекта, так и сугубо имитационного постмодернизма.

6. 4. Не менее важно учитывать кардинальные изменения в самой онтологии и технологиях идеологического, в его метафизике и «физике». Классических вариантов рефлексии, артикуляции и рацио здесь часто оказываются недостаточно для противостояния воздействию идеологической машинерии в её новейших ипостасях. Сплошь рядом здесь выбираются совсем другие целевые органы. Теневая, проникающая, распределённая, диффузная и т.п. идеология работает в совсем других режимах, и с этим надо разбираться отдельно, прежде всего — прикладной и практической философии.